

НАШЕСТВИЕ

Погибель

Алексей Наст

18+

Алексей Наст

Погибель

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Наст А. Н.

Погибель / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 1998

ISBN 978-5-5321-2411-0

"Погибель" четвертый роман тетралогии "Нашествие". Жестокий, кровавый XIII век. Монголы громят русские княжества, а после, неудержимым потоком разливаются по Европе. Воевода Семён и нойон Аян - давние хорошие друзья. Но так было до войны. Теперь они непримиримые, яростные враги, и на первом месте у них личные счёты!

ISBN 978-5-5321-2411-0

© Наст А. Н., 1998
© ЛитРес: Самиздат, 1998

мстительный порыв, рука не тянулась к сабле. Что же это? Боязнь смерти? Ведь его убьют после отмщения. Почему он не в состоянии убить Берке? Или рок – дети Чингисхана, как боги?

Аян был благодарен Бату, что тот забрал его к себе, подальше от улыбок Берке, от напоминания о своём бессилии.

А вокруг стучали топоры – согнанные с деревень орусуты рубили лес – Бату приказал окружить город и войско частоколом, чтобы никто из защитников не ушёл от ярости монголов. Другие пленники, под градом стрел, сваливали в ров снопы хвороста. Монгольские лучники прицельно били по стенам, но не долго – с отмороженными пальцами убегали к кострам. Плотники строили дощатое укрытие над тараном у городских ворот. Китайцы устанавливали пороки, готовили камень и чурбаки, вымоченные, для тяжести, в воде, чтобы крушить стены, наполняли горшки нефтью – их будут забрасывать горящими факелами в город. Всё деловито, слаженно.

Ночью начался обстрел города из камней. Глыбы, там и тут, расшибали брёвна наружных укреплений. Начались пожары – горящая нефть делала своё дело.

За ночь, во многих местах, пленные заполнили ров, и появилась возможность подойти к стенам вплотную.

В черноте декабрьского утра, первыми на стены погнались орусуты. Кто не хотел, тех секли саблями. Крик и гвалт поднялся страшный – взбиравшиеся по лестницам орусуты молили своих позволить им забраться внутрь.

Бату с тёмниками уже наблюдали за началом штурма, и всех веселило отчаянье хашара. Ни в одной земле защитники не пускали лезущих на стены впереди врагов соплеменников – они или прекращали сопротивление, боясь причинить вред близким, оказавшимся в плену, или резали своих же, теряя силы в бесполезной рубке.

То, что случилось, сделало нойонов серьёзными – орусуты впускали своих, вручая им мечи и топоры. Эти подлые орусуты усиливались, и они, монголы, помогали им в этом!

–Прекратить! – заорал Бату. – Немедленно прекратить!

Туаджи помчались к стенам. А орусуты лезли и лезли за стены, ища спасение и кипя яростью мщения.

Монголы отогнали пленников и полезли сам, и тут же полетели сверху стрелы, камни, брёвна, полились кипятком и смола.

Тысячники отвели тумены на исходную. Оставшихся пленных стали рубить на глазах защитников.

Бату вытер лицо рукой – мороз давил, слез с лошади, прихрамывая (нога занемела), пошёл к шатру. Оглянувшись на нойонов, велел:

–Штурмуйте без перерыва. Мы измотаем их.

–Они положат тысячи воинов, – возмутился Гуюк. – Монголы – цвет войска, белая кость. Я пушу их в самом конце. Сейчас пусть лезут кыпчаки и тюрки.

Бату ухмыльнулся – кыпчаки основные и преданные воины улуса Джучи, хитрый Гуюк хочет ослабить Бату, и потом диктовать свои условия. Коварен сын великого хана.

–На стены посылать всех воинов, без исключения, согласно очерёдности! – хмуро приказал Бату.

Ни Гуюк, ни Мунке возразить не решились...

К исходу шестого дня стены просели во многих местах – пороки сделали своё дело. Бату отвёл воинов, перегруппировал – впереди шли монголы, потом кыпчаки и тюрки, и снова монголы, и снова тюрки.

К Бату примчался туаджи от Берке – тумены легко захватили Переяславль–Рязанский, взяв большой полон, город выжжен и разорён. Брат спрашивал, когда ждать подхода основного войска?

Известия о поражении рязанского войска и гибели всех князей, кроме Романа, повергли Владимир в шок. Князь Юрий собрал воевод и вотчинников, долго думали, как поступить: ждать и дальше, крепя силы, или идти навстречу татарам? После споров до хрипоты, порешили: собирать войско, как только можно быстрее, а на возможном пути татарской рати поставить заслон. Вновь к суздальским князьям понеслись из Владимира гонцы – в Ростов, Ярославль, Углич, Стародуб, Юрьев–Польский, и далеко–далеко в Новгород к Ярославу.

Во Владимире собралось ополчение с деревень по Клязьме и из Суздаля. Князь Юрий решил запереть дорогу с юга – Коломну. Прямого пути из Рязани на Владимир не было – к северу от Оки тянулись болотистые, непроходимые леса, потому татарам дорога была одна – через Коломну и Москву вниз по Клязьме.

Коломна была рязанским городом, но теперь об этом не думали. Юрий снарядил все имеющиеся силы, собранные с Владимирщины, поставив во главе старшего сына Всеволода, а для управления битвой, если такая случится, опытного Еремея. Младшему сыну Владимиру князь велел забрать всех москвичей, оставив Филиппу Нянке самую малость.

Владимирское войско двигалось быстро. В Москве Филипп Нянка неприветливо кормил и поил, отдал почти тысячное ополчение под руку Владимира, а сам остался в городе.

Когда войско подходило к Коломне, навстречу вывалил весь город – рязанцы радовались суздальцам, как избавителям. Князья Роман и Михаил Пронский были счастливы, но узнав, что это только передовые силы – пограничный заслон, чуть больше десяти тысяч, потемнели. Вместе с дружиной Романа, пришедшей из Рязани, Михаила из Пронска и ополчения из Лопасни, войск в Коломне собралось чуть больше пятнадцати тысяч.

– Умрём здесь, татар дальше не пустим, но мы не победим, – уверенно заявил сыновьям Юрия Роман. – Дерутся они не ахти как лихо, но ведь тьма–тьмущая, проклятых. С нашей малостью с ними не совладать. Что же Юрий всё войско не привёл? Ведь так побьют нас по частям. Как вы не понимаете?! Мы вас так ждали!

– Нет большого войска, – отрезал Всеволод. – Отец шлёт братьям гонцов, как в пустоту. Мы привели людей с Владимирщины и из Москвы. Но войско соберётся. Нам надо встать здесь грудью. Чем дольше продержимся, тем больше сил соберёт князь.

Повисла напряжённая тишина.

– А они, точно, пойдут на Суздаль? – наивно спросил Владимир.

– Пойдут, – мрачно отозвался Роман. – Точно.

Коломна была небольшим городом, потому войско поставили лагерем у стен, нарыв землянок, а лагерь укрепили невысокими ледяными валами – «надолбами».

Скоро пришли вестники из Переяславля–Рязанского – и Переяславль, и Рязань стинули, Батыевы толпы неторопливо валят на Коломну...

Две черниговские сотни вынеслись к Пронску неожиданно, и смешались, заворачивая коней – города не было, только чёрное, горелое пятно и морозный ветер, бивший снежной пылью в обветренные лица. Торчали остовы каменных церквей. Куда хватало глаз – мертвецы.

Князь Ингварь онемело смотрел на ужасную картину – лошадь шла сама собой, следом ехали Евпатий Коловрат, Семён и Микула.

– Поздно, – глухо вымолвил Ингварь.

Откуда-то из пустоты, из щелей землянок, полезли чёрные, напуганные люди, узнав русских, завывали в голос, бросились, встали жалкой кучкой. Ингварь не имел сил смотреть, но спросил, пряча глаза:

– Татары?

–Они, проклятые. Войско рязанское разбили, князя нашего Всеволода убили и всех князей Рязани порубили, выжгли все сёла и городки. Говорят, в Ижеславле, вообще, никого не осталось.

–А Рязань?

–Не знаем. Но с той стороны до сих пор дым валит.

Ингварь посмотрел на восток – небо было черно от дыма. Рязань горит.

–За мной!

Отряд помчался за князем.

Семён думал, что скоро они налетят на татар, и он будет рубить своим мечом людей с раскосыми глазами, убивать, лишать жизни. Цела ли Рязань? Встал образ Натальи, и сердце испугано ёкнуло – он увидит её. Сразу представил белый труп, присыпанный снегом, с устремлённым в небо мутным, потухшим взглядом. По телу пробежал озноб. Конечно, он найдёт её живой. Или не найдёт, приняв смерть до встречи.

Ночевали на берегу Прони, жгли костры не таясь. Ингварь выставил караулы. Спали в еловых шалашах чутко – татары могли быть совсем рядом. Но тишина пугала – большое войско они почувствовали бы издалека.

Утро сдавило морозом. Лошади, все в инее, понесли, согреваясь на скаку. Отряд вышел в поле. Впереди не было города – чёрное горелое пятно, куда хватало глаз. Ингварь погнал коня. Остальные тоже припустили. В поле пошли трупы русских и татар, лошадей, а вот и место татарского лагеря, кучи смёрзшихся трупов рязанцев, валы, чёрные головни бревенчатых стен. В город въехали не спеша – куда хватало глаз, было пепелище, и среди груды горелых останков чернели каменными склепами остовы церквей и монастыря. Сердце превратилось в камень – оно не билось, и не падало в живот, оно заглохло. Было слышно, как цокают копыта по земляной корке.

Князь Ингварь свернул к детинцу, отряд разбрёлся по пепелищу – везде мёртвые, мертвые, истерзанные мертвецы. Вот места массовых казней. С крутого берега открылась река со свежими замёрзшими прорубями и вледенелыми телами рязанцев. Чёрная кровь. Стаи отъевшихся собак шарахались от всадников. Появились живые – хмурые мужчины, молчаливые, с впалыми глазами, укутанные в тряпье, женщины, потрясённые дети. Они выжили, потому что, придя из недалёких сёл, умудрились бежать в лес, а не спрятались за городскими стенами, до того, как татары обнесли округу бревенчатым тыном. В Рязани сгнули все.

Семён поворотил коня – Наталья здесь, где-то под обгорелыми обломками, истерзанная и мёртвая.

У стен сгоревшей церкви топтались кони, дружинники искали трупы княгинь. Князь Ингварь стоял на коленях и плакал, и их приносили, голых, с ровными, рубленными ранами, и укладывали в ряд на землю, потом накрыли тряпьем.

Евпатий, стиснув губы, сжимал рукоятку меча. Он готов был рыдать вместе с князем.

–Бить их надо! Резать! – крикнул он, по-детски, звонко.

–Слышь, воевода, – склонился к нему с коня Микула. – Тут мужиков деревенских полно, надо бы вооружить.

Евпатий вскочил в седло, погнал из города. Стены и валы были усеяны трупами в несколько слоёв.

Как только весть о сборе разнеслась по пепелищу, к Евпатию пошли мужчины, все с оружием, кто в кольчуге, кто в шлеме, многие с лошадьми. Вокруг города лошадей бродило в избытке – во время штурма, потеряв седоков, они убежали в леса, а теперь вышли к пепелищу.

Князь Ингварь, словно помутясь рассудком, выл в голос, и не о чём не хотел слышать.

С ним оставили сотню дружинников. Евпатий разделил отряд на сотни – семнадцать сотен. Тысяча семьсот человек. Пятьсот отдал под начало Семёна, пятьсот – Микуле.

–Мы не можем отпустить их просто так, – сказал хмурым воинам.

В тот же день, двинулись искать татар к Переяславлю– Рязанскому. Ехали быстро. Стенело. Семён и Микула ночевали у одного костра. Семён был потрясён увиденным и подавлен – Натальи нет. Как странно. Он целовал её, он любил её, а теперь её нет, а она моложе его, много моложе. Были ли у неё дети? И увидит ли он своих? Наверное, нет – рязанцы знали, что едут принять смерть, продать свои жизни, как можно дороже.

Микула был задумчив, часто подкладывал в костёр сучья, грел руки, потом стал в кувшине кипятить воду.

–Видишь, какая судьба, воевода, – сказал Семён.

–Я воевода? – спросил Микула, не удивляясь.

–Да. Я – полтысячник, и ты – полтысячник.

–Мне воеводство не нужно, Семён.

–Ради чего же ты живёшь?

–Думаю, жить осталось не долго. А?

–Ты прав, не долго.

Семён вспомнил, как евпатий хотел их оставить с Ингварем в Рязани, но Микула сам вызвался ехать на татар. Странно. Семён всегда считал Микулу недалёким увальнем, счастливым, когда есть много еды, тепло, выпивка и смазливая бабёнка. А тут – знал, что впереди смерть, а вызвался сам. И он, Семён, он ведь тоже знал, и тоже молчаливо принял под руку полтысячи воинов, и ведёт их на смерть. Что же? Оказывается, он прожил столько лет, и не знает ни себя, ни других. В чем же тогда был смысл его жизни? Никчмно прожил. Только кто в этом виноват – он или судьба?

На месте Переяславля– Рязанского нашли выжженное пепелище, усеянное трупами.

От Переяславля ушли от реки по рыхлому, превращенному в месиво проходившим войском, снегу к Ростиславлю. Через день впереди стал слышен ясно различимый многотысячный гомон – татары.

Евпатий развернул отряд в три колонны, и рязанцы пустили коней вскачь, выхватывая мечи.

Впереди показались шатры, табуны лошадей, холмами, лежащие в ряд, увешанные тюками, двугорбые верблюды.

Первыми заметили мчащиеся сотни скопища пленников, поднявшие гвалт и рванувшие во все стороны.

Семён уже мчался по обезумевшему стану, из ветра выхватывались лошадиные морды, губастые верблюды, визжащие бабы, падающие на колени, и он, в малахае, скривившийся в ужасе, выставив вперёд саблю, без лошади. Жах! Рука дёрнулась в ударе о твёрдое, и меч, сам собой взлетел вверх для нового удара, весь в крови. С почином!

Дальше он рубил бегающих, орущих в панике, безлошадных татар, не думая...

Бату чуть не расплескал горячий чай, когда в шатёр влетел перепуганный туленгит и, рухнув на колени, прошептал в ужасе:

–Орусуты ожили!

Бату переглянулся с Берке и Орду, бывшими здесь же, поставил пиалу на дастархан.

–Что ты мелешь?

–Рязанское войско, хан. Они ударили сзади, разбили обоз, отпустили хашар, рубят воинов. Наших легло без счету!

–Там камнемёты! – первым пришёл в себя Берке.

Бату нахмурился – если орусуты разобьют сложные китайские машины, он не сможет взять укрепленных городов. Тут же зыркнул на Орду.

–Кто их охраняет?

–Тысяча Хостоврула.

–Дай ему полтумена. За осадные орудия он ответит головой. И выясните, что это за загадочные орусуты? В тылу не должно было остаться никого.

Он раздосадовано встал, стал одевать пояс с саблей и агыштинским кинжалом.

–Коня! Придётся ехать.

Далеко в тылу стоял жуткий ор. Бату нетерпеливо вскочил в седло, заметил Аяна:

–Пошли туаджи к тёмникам, пусть войско выступает, не дожидаясь. Тут сами разберёмся.

Из обоза прилетели вестники – порублено верблюдов, разогнано лошадей из запасных табунов – не счесть, Хостоврул потерял большую часть своей тысячи и держит оборону у пороков из последних сил.

Когда Бату с братьями прискакали к орудиям, в деле уже был тумен кыпчаков Бурундая. Хостоврул зарублен. Пятеро пленных рязанцев рассказали, что они из отряда рязанского вотчинника Евпатия Коловрата, в отряде тысяча семьсот воинов.

–Уже меньше, – заметил Бурундай. – Около полутысячи, но и крошат они наших. Словно злые духи.

–Воинов жалко, – сказал Берке.

–Хотел бы я иметь таких багатуров у себя, – хмуро отозвался Бату. Он-то рассчитывал, что Рязань усмирена, что здесь потерь больше не будет. Если так пойдёт дальше, ему не хватит сил, чтобы осуществить задуманное. Чингисхан лишал врагов мужества своей жестокостью, но тут жестокость натолкнулась на безмерное упорство. Не такой ему виделась война. Не такой.

Тумен сжал орусутов кольцом. Монголов и русских разделяло пространство, усеянное трупами в несколько слоёв. Подобной битвы Бату не видел давно.

–Пытались выбить их лучниками, мороз проклятый, все руки пообморозили, да и в кольчугах большинство, не пробьёшь, – пояснил Бурундай.

–Волоките пороки, закидаем их камнями. И предложите им сдаться в обмен на жизнь.

Бой прекратился. Орусуты сбились в тесный клин, готовые к обороне. Сдаваться они отказались.

Крича и ругаясь, воины вручную приволокли камнемёты, китайцы начали методичный обстрел. Каждый камень делал своё дело – орусуты падали, падали и, когда их осталось совсем немного, Бату пустил пеших воинов.

После недолгой рубки, всё кончилось.

–Найдите тело Евпатия. Я уважаю багатуров, – сказал Бату.

К нему подъехали тёмники. Бату посмотрел на них, не понимая – они должны были вести тумены на север. Гуюк, ухмыляясь, присвистнул:

–Наворотили...

–Я ясно приказал, чтобы войско двигалось.

–Мы подумали, вдруг здесь большая рубка, – закрипел простуженным горлом старик Субедей.

К Бату привели с десятков качающихся, избитых орусутов. На снег опустили тело Евпатия.

Бату оглядел пленных, долго всматривался в лицо погибшего рязанского воеводы.

–Если бы у меня были такие багатуры. Похороните его по своему обычаю, отважные воины, – Бату хмыкнул. Стоит ли разыгрывать великодушие? Он уважал храбрость и преданность. Он страстно желал иметь таких же преданных нойонов и багатуров, как лежавший на снегу орусут. А есть ли такие? Он враждебно оглядел ехидных тёмников, встретился с глазами Аяна – стал очень скрытен, раньше другим был (влияние Берке).

–Я отпускаю вас, орусутские багатуры. Идите и живите! Никто не причинит вам вреда!

Аян сидел в седле, позади тёмников, всматривался в пленных орусутов и узнавал двоих, с которыми общался в Руме и Трапезунде – Микула и Семён, кажется. Сразу встал образ брата Чиена. Чиен тогда был сосредоточен, мирил вспышки гнева болвана Тумея. Берке обещал

Наталья стремглав сбежала по ступенькам крыльца, и бросилась в его объятия. Семён сжал её изо всех сил. Их губы встретились. Всё завертелось, выбрасывая время назад, рухнуло, освобождая томившуюся страсть, сплетая не угасавшую никогда любовь в этом страстном, долгом, тягучем, как замерзающая кровь, поцелуе...

Евмен подавился. Ужасная боль стиснула его горло. Стрела пробила шею, холодное древко разорвало плоть. Он захлебнулся кровью. Меч ударил чьё-то лицо. Вот он на надолбах, скачет за разгорячённым Романом, бег лошадей, звуки татарского войска, выходящего на поле, крик Юрия Рязанского: «На врага!», слёзы Натальи, он никогда не увидит её, «Люблю! Люблю тебя!», отец, свадьба, я был трусливым мальчиком, мама, какое милое лицо, первый голод, хочется есть, о, наконец, грудь матери. Крик, его первый крик.

Он перегнулся вперед через частокол стены. Татары лезли, лезли, сливаясь в один поток, в копошащую массу. И темнота.

Он полетел вниз, в холодную, чёрную бездну смерти...

Микула и Семён, уже в темноте, подъехали к воротам детинца.

–Кто такие? – остановил дружинник.

–Слуги князя Юрия, воеводы Семён и Микула.

–Не знаю таких.

–Зови начальника караула, мы из Рязани.

К воротам вышел сонный Ванька. Увидев сгинувших друзей, присел, хлопнув себя по ягодицам.

–Ха-ха! Семён! Микула! Братцы!

–Здорово, чертяка.

Семён обнял Ваньку, такого родного, из далёкого прошлого. Он обрёл Наталью, он нашёл друга. Как давно не был он во Владимире, как хорошо ему здесь. Кажется, жизнь начинает возвращаться, наполняя его силой желаний, стремлением к будущему.

Ванька обхватил Микулу, покачал головой.

–Здоровый боров. Хорошие харчи у князя Михаила!?

–Нормальные, – усмехнулся Микула.

–Ну, пойдёмте. К князю? – Ванька повёл друзей к терему.

Семён увидел, что двор детинца забит дружиной и лошадьми. Князь собирает силы. Ванька заметил его удивление, кивнул.

–На это не смотри, собираем дружину помаленьку. Суздальцев видел на площади? А здесь с тысячу стародубцев – князь Иван на людей жаден, остальных держит при себе, да с полтысячи болгар.

–Болгар?

–Да, они же у нас, в Нижнем теперь и в Городце. Над ними князь Адавлет.

–Адавлет жив? – Семён удивился. Во истину, он обрёл прошлое. Слишком много дорогих ему людей здесь, на Владимирщине.

–Да. Он здесь. Увидишь. И Пётр Осядюкович тоже, – Ванька, со смехом, подмигнул. – Здорово вы тогда ему засветили. Весь город смеялся. Наташку-то видел?

Семён улыбнулся.

–Видел. Ты князю веди.

–А твои – Агафья и сыновья, в Новгороде. Рядом с Сысоем. Сысой большой воевода Новгородский. Он и Серьгу пригреб у себя. Нигде не пропадают наши!

Они поднимались по скрипучим ступеням на резное крыльцо княжеского терема. Напоминание о семье сделало Семёна задумчивым. Сысой, Агафья, сыновья. Уж, поди, и не помнят

отца. Эх, судьба. Неужели, когда-то у него всё было хорошо?! А он не ценил... Только потеряв, понял, каким богатством, каким счастьем обладал!

–Про отца моего ничего не слышал?

–Жив. Да ты у Адавлета спроси. Он дня три, как из Нижнего.

Они вошли в тепло терема. Тускло горели свечи, чадя в спёртом воздухе. Пахло кислой кожей и прелым тряпьем. По тесному коридору прошли к гридне. Ванька ушёл докладывать. Его долго не было. Караульный косил взгляд. Наконец, Ванька появился, хмыкнул:

–Все языки от удивления проглотили. Проходите, ждёт.

Семён и Микула стянули шапки, пригладили волосы и бороды, шагнули в гридню, хорошо освещённую, богато убранную мехами и резной мебелью. Семён увидел князя Юрия, его сына Мстислава, подлец Ослядюковича, похожего на надувшегося снегиря, многих воевод, которых не знал, один, кажется, Жирослав – важный стал, подле князя.

Семён и Микула поклонились.

–Здравствуй, великий князь!

–Здравствуйте, – Юрий взгляделся в обветренные лица своих давних слуг, нашедших приют далеко на юге из-за произвола другого слуги. Он скосил глаза на Петра Ослядюковича. Тот был угрюм. – Зачем пожаловали, мои бывшие воеводы?

–Мы и теперь в твоей власти, княже, – сказал Семён.

–Надоело Михаилу служить? – ухмыльнулся Юрий.

–Мы оказались у него не своей волей.

–Ладно. То дело давнее. Теперь зачем у меня?

–Из Чернигова мы с дружиной князя Ингваря отправились в помощь Рязани, княже.

Юрий заёрзал на троне – значит, даже Михаил послал рязанцам помощь, а он, Юрий, великий князь Суздали, бросил своих слуг на татарское поругание. Стало неудобно, и тут же больно за сыновей – как там на границах, пойдут татары на Коломну или успокоятся, разорив Рязань? Переживания не давали покоя ни днём, ни ночью.

–Войско рязанцев разбито, все города полностью разрушены, сожжены. Рязань – пустое место, пепелище. Все рязанцы мертвы. И тысячи живых не наберётся. Нас было тысяча семьсот, когда мы нагнали татар, стали рубиться, в живых осталось с десятков.

–Их очень много?

–Говорят, много. Войско Батые пошло на Коломну, оттуда – пойдёт в Суздальскую землю, князь. Мы с Микулой ехали через лес, напрямик, чтобы тебя предупредить.

–Всё это знаю. Готовлюсь. В Коломне стоят наши дружины, основное войско скоро соберётся.

Семён с Микулой стояли посреди гридни недвижимо. Все молчали.

–Много ли наслужил у Михаила, Микула? – вдруг, спросил князь, кривя усмешку.

–На Батые пять сотен вёл, княже.

–Поумнел, значит. Ладно. Говорите, в моей воле. Так и быть. Людей вам не дам. Простыми дружинниками пойдёте за Суздаль постоять?

Семёну было всё равно. Он глянул на Микулу, тот кивнул. Семён ответил за обоих:

–Мы готовы, княже.

–Вот и прекрасно. Место в тереме есть. Иван вас определит. Отдыхайте. А с утра на службу.

Микула и Семён поклонились. Из гридни пошли в трапезную. Ванька всё рассказывал о здешнем житье– бытье. От пережитого и сытной еды захотелось спать. Семён чувствовал, как горели огнём лицо и уши, словно от хмельного, вспомнил встречу с Натальей, её губы, её слова, её неутешные слёзы, когда рассказал о Рязани. Наверняка, Евмен убит. Завтра он обязательно увидит её.

– Вот чего они ждали! – кричал Владимиру Нянка. – Сжечь нас хотят. Малой кровью хотят! А ну, ребята, туши! Пожар мы сами устроим, когда время придёт!

Ночной штурм был отбит, а днём татары отсыпались, давая передышку и москвичам.

Нянка, усмехаясь, следил за татарским скопищем.

– А татар прибывает. Думаю, скоро они с нами разделаются. Уже три дня отбиваемся.

Владимир был рядом, смотрел на бунчуки тысяч и сотен. Пленные смерды вели широкую просеку от города на север. Как он и думал, готовят дорогу для конницы через лес на Клязьму, а там по реке татарам прямой путь на Владимир. Успел ли отец собрать княжеские дружины и ополчение?

Никогда не видела Суздальская земля нашествия чужих полчищ, а теперь выпало. И нет сил победить, только умереть, дорого продав свою жизнь.

Впечатление от Коломенского поражения, до сих пор, давило на Владимира. Эта бесконечность Батыевых полчищ, убивали волю к сопротивлению, но другого не оставалось, потому и не бросил Москву, оставшись на смерть.

Подожли новые татарские рати. Всё в раз переменялось – враги пошли на приступ. С визгом пробежав простреливаемую со стен, ровную поляну, приставили штурмовые лестницы. В город полетели сотни горящих горшков, запылали дома.

Владимир понял: конец! Филиппу прокричал: « Сам Батый пришёл! Теперь повеселимся! ».

К воротам подошли укрытый щитами таран, начались глухие сотрясающие удары. Воины, погибая под градом стрел, опрокинули сверху чан кипящей смолы и подожгли – таран запылал, татары разбежались. Но в других местах русских сбили со стен.

Было уже темно, когда рубка кончилась на завалах среди домов. Нянка велел поджечь склады, и они загудели огненной стеной – татары отступили.

Защитники сбились за облитыми водой, заледенелыми завалами, готовясь к последнему бою. Но ночь прошла в тишине. Город пылал.

На пятый день татары тихо подошли к завалам и налетели на обессиленных москвичей.

Куда ни глянь, везде были враги. Владимир рубил и рубил, отступая, в море огня и гари. Упал Нянка, истекающий кровью. Татары были и сзади, и спереди. Страшный удар разломил голову, повергая в черноту...

Бату смотрел на широкую просеку, вырубленную хашаром. Осадные орудия, скрипя полозьями, уходили на север. Тумены, один за другим, медленно валили от сгоревшей Москвы. Медленно, очень медленно. Бату не ожидал, что поход будет затяжным, и начало его обескураживало – его неповоротливое войско проходило в день не больше двух фарсахов. Кругом были непроходимые леса, глубокие сугробы, лошади голодали. В Москве пожить не удалось – всё сгорело. А он рассчитывал на запасы сена и овса. Проклятые, настырные орусуты! Они всё больше бесили его, и он чаще, нет, всегда, велел убивать, убивать всех, но злость и досада не уходили.

Москву обронял сын князя Юрия Владимир. К Бату принесли его тело, холодное, обмороженное, в чёрной, смёрзшейся крови. Бату, не слезая с седла, долго всматривался в лицо молодого орусутского князя. Ему показалось, что у Владимира дрогнуло веко.

– Он жив.

Туленгит склонился над князем, долго слушал сердце, оттянул веки.

– Жив, великий хан.

– Это хорошо. Отнесите его к лекарю.

Бату тронул коня, и поскакал по глубоким сугробам к двигающемуся войску – на Владимира...

Бату встал на стременах – его сотник что-то кричал орусутам, столпившимся на башне. Подвезли Владимира. Он сам придумал этот трюк – привезти княжича к воротам. Орусуты или потеряют волю, начнут торговаться, спорить между собой (а где раздоры, там всегда выигрывает третий) или отворят ворота и пустят конницу на татарский десяток, чтобы отбить князя. Тогда его самые быстрые всадники успеют поднестись к воротам, завяжется бой и, на плечах отступающих, воины ворвутся в город. Взять богатый Владимир с хода – это был бы большой успех! А десять невнимательных нукеров у ворот, самые лучшие рубаки, они-то продержатся до подхода конницы. Бату страстно желал этого, и ему показалось, что ворота чуть-чуть сдвинулись.

Мускулы Бату напряглись.

С бойниц башни посыпались стрелы. Нукеры падали под копыта лошадей. Ах, шайтаны, он не думал, что сначала орусуты расстреляют всадников! Но один, всё же, успел рубануть князя – тот кулём свалился в снег.

Бату оглянулся на тёмников, махнул рукой, чтобы тумены взяли город в кольцо. Придётся штурмовать. Теперь сомнений не было. Беспокоило другое – князь Юрий был где-то рядом, копил силы. Пленные рассказали, что Юрий не успел собрать ополчение со всех своих городов, но это могло быть хитростью. Бату не верил орусутам. Слишком они яростны в своём непокорстве.

– Хан, – Берке чуть склонил голову. – Туаджи доносят, совсем рядом большой город Суздаль. Там, вообще, нет воинов. Его можно взять с хода и привести оттуда хашар для осады.

– Хорошо. Твой тумен возьмёт Суздаль и вернётся с хашаром обратно. И разошли дозоры, надо узнать, где Юрий с основным войском. Я не хочу получить удар в спину, когда мы будем на стенах Владимира.

Бату огляделся, нашёл глазами Аяна.

– Поедешь с Берке! Дозоры – твоя забота.

Берке оскалился Аяну в лицо, обнажив жёлтые, корявые зубы. Снова судьба смеётся над Аяном. Он зажмурился. Он не будет сам убивать внука Чингисхана. Судьба накажет Берке чужими руками. Не зря Аян видел Семёна среди отпущенных восвоеси орусутских воинов. Ничего на этом свете не происходит просто так. Он был уверен – его пути ещё пересекутся с орусутом, вот тогда он и направит его руку – Семён убьёт Берке, а Аян убьёт Семёна. Аян сохранит благоволение Бату, сохранит честь своих детей и положение. Он не может отказаться от того, чего достиг, даже ради погибшего брата...

Войско обтекало город со всех сторон, перешло на северный берег Лыбеди. Тут и там вставали шатры тёмников и тысячников. По Клязьме подтягивались многочисленные пороки и катапульты.

Тумен Берке, по льду Клязьмы, устремился прочь от города. Суздаль стоял в четырех фарсах к северу. Но тумен не был отягощён обозом и осадными орудиями, потому Берке рассчитывал утром следующего дня уже быть у стен Суздаля.

В месте впадения в Клязьму речки Нерли, свернули на неё – прямая дорога на север.

К уже привычным орусутским морозам, прибавился злой, колючий ветер, продирающий до самого сердца.

– В суровой стране живут орусуты, – посмеиваясь, сказал Аяну Берке.

Тот был сосредоточенно спокоен. Мех малахая вокруг лица покрыт инеем, лицо огненно-красное. Берке поражался выдержке Аяна – ведь знает, что он, внук Чингисхана, повинен в смерти его брата и невестки, а прячет ненависть далеко вглубь, ненавидит, но верен, как собака – настоящий монгол. Не потому ли Аяну благоволит Бату?

Берке усмехнулся. Бату во всём стремился подражать Чингисхану. Хочет доказать всем, что он лучше Джучи и по праву владеет улусом. Что ж, пусть пыжится. Берке не против. Только, когда приспичит, бежит к нему, к Берке, за советом.

Берке ещё раз взглянул на едущего рядом Аяна. Да, он достоин поддержки. А разве Берке не благоволит ему? Тоже благоволит. Но бывают мгновения, когда Аян пугает. Как сейчас.

У Аяна был пустой взгляд, и Берке, краем глаза, заметил, что тот исподтишка наблюдает за ним. От этого стало не по себе.

– Ты что смотришь на меня, как голодный волк на овцу? – вроде шутя, но грозно, спросил Берке.

Аян, не отвечая, стегнул свою лошадь плетью и прибавил ходу, показывая спину.

Вот в такие моменты Берке приходила мысль приказать туленгиту пристрелить Аяна орусутской стрелой. Но что-то удерживало. Не бесстрашие – Берке также боялся смерти, как любой человек, а эдакое игривое чувство постоянной опасности, исходящее от близости Аяна. Щекочет нервы.

Тумен шёл без передышки. Воины жевали сухой хурут, ночью спали в сёдлах на ходу. Утром вышли по льду реки Каменки к Суздаю.

Перед городом, с одной стороны, был замёрзший ров, а с трёх сторон замезшая, извилистая Каменка. Ворота Суздаля были заперты, на деревянных стенах, между частоколом бревен видны были затаившиеся орусуты.

Берке осадил коня, разделил тумен на пять частей – по две тысячи, один отряд заставил спешиться, воины схватили привезённые с собой осадные лестницы и, под прикрытием лучников, устремились к стенам, два других отряда помчались по льду Каменки для удара с тыла, остальные рассыпались в направлении близких деревень.

Аян уехал, с двумя сотнями дозорных, отправив разъезды на север, восток и запад. За спиной поднялся визг и вой штурма, звон мечей, стоны умирающих.

Аяну доложили, что впереди орусутская деревня. Туда, проваливаясь лошадьми по брюхо в снегу, понеслась полусотня и громкий бабий ор донёс до ушей оставшихся рядом с Аяном воинов начало погрома. Воины с завистью похахатывали, но Аян делал дело – они ехали дальше по узкой, лесной дороге.

Когда солнце склонилось к закату, поворотили обратно. Разъезда возвращались ни с чем – о князе Юрии никто не слышал. С разгромленных, горящих деревень воины гнали скот и пленников – мужиков, баб (детей секли сразу, чтобы не обременяли).

У Суздаля, полыхающего в разных местах, распорядился Берке, восседающий на куче мехов, окружённый тысячниками. Воины тащили из города добро, набивали седельные сумы, насиловали женщин и девок, сгоняли в толпу жителей, пригодных для осадных работ. Сотники выспрашивали орусутов, кто знает толк в ремесле и искусстве, их тут же отводили к шатру Берке – монгольские нойоны ценили умельцев. Берке будет их беречь, постарается вывести из Руси живыми, чтобы потом они остаток жизни, за кусок хлеба, изнемогали в рабских мастерских.

На территории улуса Чагатая стояли рабские центры Самарканд и Бухара, где десятки тысяч мастеров, согнанные в огромные глинобитные бараки, трудились от зари до зари, создавая ценности, которые уходили в Каракорум к великому хану Угедэю, в ставки Чагатая, Тулуя, кое– что перепало Бату и его братьям. Потому Берке, во время похода на болгар, убедил Бату организовать такой же центр на месте сгоревшего Булгара. Там теперь распорядился младший сын Джучи – Бувал. Город отстроили руками пленных, согнанных с покорённых земель. Со всей Булгарии собрали мастеров в огромные мастерские. Туда же погонят всех орусутских умельцев. Созданное в Булгаре братья будут оставлять себе, потому и Берке, и Бату, и Орда, и Шибан ревностно выискивали мастеровых. Даже гневаясь на Рязань, Бату «пощадил» ремесленников и отправил в Булгарию.

В быстро опустившейся ночи, освещая дорогу факелами, трещащими на морозе, тумен, отягощённый награбленным и огромный, до десяти тысяч, хашаром, повернул обратно. Берке торопил тысячников – Бату ждал хашар для начала осады Владимира. Шли не останавливаясь,

В морозной темноте татары отступили.

Воины изнемогали от усталости, голода и жажды. Многие ушли со стен отдыхать. Семён хотел найти Адавлета, расспросить об отце, но не найдя, уснул у тлеющих останков избы.

Пожары полыхали в разных частях города. Пороки работали всю ночь, обвалив стены в нескольких местах Нового города, в темноте хашар заваливал рвы.

Пётр Ослядюкович ушёл к князьям. В Успенском соборе шла служба – Митрофан постригал княгинь и князей в монахи.

–Примем кару господнюю! Смирение к гневу господу нашего, посланного за грехи наши, даст нам искупление!

Семён, вдруг, открыл глаза и сел – он промёрз до самых костей. Вверху висело чёрное небо, но из-за дыма не было видно звёзд. А на стенах уже яростно ревели, звенел металл, толпились люди – татары лезли в проломы.

Откуда-то вынырнул изумлённый Микула с двумя мечами в посиневших от холода руках.

–Ты не ранен? Рукавицы утерял, пальцы не сгибаются, вмёрзли в рукоятки. Пожрать бы чего.

Семён сбросил оцепенение, выхватил меч из ножен, и побежал к пролому у церкви Спаса за «Золотыми» воротами – там отступали болгары, под градом ударов напирającego врага.

Небо стремительно светлело. Было тепло от горящих домов. Семён рубился в тесноте, потом уступил место копейщикам. Он не успел перевести дух, как русские, крича и матерясь, побежали от стен – татары ворвались в город со стороны Лыбеди, через проломы у Ирининых и Медяных ворот, а с юга – через провалившиеся Волжские ворота.

Бой кипел в пожарище, но большинство защитников бессмысленно бегали, словно сойдя с ума.

–Где воевода?! Где?! Где князя?!

Все метались испуганным стадом. Вокруг уже было полно конных врагов.

Семён бросил рубиться и кинулся к валам Среднего города – там можно было задержать татар. Солнце тускло светило в зените – полдень. На валах никого не было. В воротах толпились убегающие. Семён продрался в Монахов город, побежал по улицам, миновал площадь у открытых ворот детинца – в Рождественском монастыре выли в голос. Ему навстречу неслись конные дружинники. А в голове было одно – спасти Наталью! Она в усадьбе Петра Ослядюковича, её нужно успеть спрятать за каменными стенами детинца.

Запыхавшись, он остановился у запертых ворот усадьбы, застучал ногами и руками.

–Наташа!!! Наташа!!!

Она выскочила в распахнутой шубе, без платка. Глаза горели испугом.

–В детинец! Быстрее! Татары в городе.

Семён схватил за руку, потащил. Бежали, что есть силы.

–Где отец? Где брат?

–В детинце все! – кричал он.

Они оказались на площади – татары неслись мимо, рубя встречных, в посад, в распахнутые ворота детинца. Семён в бессилье остановился. Наталья завизжала.

Обезумевшую толпу дружинников татары сжимали кольцом.

Всадники проволокли по улице зарубленных Всеволода и Мстислава. В двери Успенского собора, где укрылись княгини, вотчинники, воеводы и священники, татары долбили тараном, но подъехал спесивый татарин, закричал, воины отхлынули, засуетились, начали обкладывать брёвнами, хворостом, досками. Подождли. Плач и пение в церкви усиливались.

Семён вертел головой, держа меч и нож наготове. Спиной чувствовал дрожащие руки Натальи.

Вдруг, шею захлестнула обжигающая льдом верёвка, сильный рывок опрокинул его в грязный снег, поволокли.

Через час, когда рассвело, Семён осмысленно посмотрел Аяну в лицо.

–Я не хочу причинять тебе боль, Семён. Но пойми меня. Тогда, в Руме, ты клялся, что будешь благодарен мне за спасение твоего брата. Теперь я прошу того же – спаси моего брата. Убьёшь нашего нойона, спасёшь мне брата и тысячи жизней своих соплеменников – он умелый военачальник.

Семён упорно покачал головой.

–Врагам не помогаю.

–Значит, я враг. А мне казалось, мы до сих пор друзья. С врагами у нас поступают иначе.

Аян позвал туленгитов, велел скрутить Семёну руки за спиной, прижать его к полу, задрал голову, чтобы он мог видеть происходящее. В шатёр втолкнули Наталью.

–Она заплатит за твоё упрямство.

Семён дёрнулся.

–Нет! Отпусти её! Отпусти! Слышишь?!

–А ну, скрутите её! – приказал Аян туленгитам.

Воины вцепились в молодую женщину, нагнули её головой к полу. Она завопила, что есть силы, задёргалась.

Аян усмехнулся. В нём пробудилось желание. Подойдя к женщине, он стремительно разорвал на ней одежду. Она кричала, билась в сильных руках воинов. Хрипел и плакал, прижатый к полу, Семён.

Аян обхватил её за талию и стремительно вошёл в неё. Истома охватила, он начал лихорадочно бить своим телом, вколачивая твёрдый член в горячее лоно. Все вокруг слилось в страшный вопль горя. Эмоции рвали мозг. Он не выдержал, закричал, выплёскиваясь:

–Якши! Якши! Якши!

Бату отогнул полог шатра, шагнул внутрь и замер. Аян насиловал орусутку на глазах её мужа. Оглянувшись на Орду, повернул обратно. Молча стоял на улице, глядя на свои гутулы, потом велел подать коня. Долго ехали молча по покорённому, сожженному городу – воины посекали жителей, вынесли всё ценное, отогнали в обоз разумеющих в ремесле и годных для хашара, можно было идти дальше – грабить, убивать, насиловать. Бату посмотрел на старшего брата.

–Не таким был раньше Аян. Испортился.

–Это он у Берке штучек набрался, – буркнул Орда.

Через распахнутые «Золотые» ворота, выехали из города в поле. У шатра Бату коновязь была полна лошадей, туленгиты держали бунчуки тёмников и тысячников – на совете необходимо было решить, как действовать дальше. Предстояло найти и разбить основное войско орусотов, успеть захватить, как можно больше беззащитных городов до распутицы. Бату рассчитывал покончить с Суздалью ещё зимой, чтобы вывести перегруженное добычей войско без потерь.

Он слез с коня, бросив повод караульному, стремительно вошёл в шатёр. Все смотрели на него. Лица сосредоточены. У тысячников – взволнованные, у тёмников – ехидные и мало почтительные. Особенно у Гуюка и Бори. Две гремучие змеи на груди. Надо их развести, пусть поменьше общаются – так будет спокойнее.

Когда совет начался и многое прояснилось, все чингизиды единогласно высказались за войну, какую любил вести Чингисхан – быструю, маневренную, с одновременными ударами в разных направлениях, благо силы это позволяли. Воинов было больше семидесяти тысяч, у Юрия в Ярославле (пленные орусуты рассказали, где искать великого князя) около пятнадцати–восемнадцати тысяч, между князьями сладу нет, и это хорошо – брат Юрия Ярослав собрал в Новгороде больше тумена воинов, но соединиться с великим князем не желает. Так было всегда – враги спорили между собой, вспоминали обиды, кичились самолюбием, когда было необходимо объединяться, и гибли под согласованными ударами монголов. Будет

и теперь. Бату совершит задуманное – расправится с северными государствами оруситов ещё зимой, летом его войско отдохнёт, а следующей зимой он пройдёт огненным смерчем по югу, перевалит Карпаты и покорит Венгрию. Да, так будет, ибо он наследник и продолжатель славы своего деда. Ему будет скоро тридцать лет, как много времени у него впереди, как много великих дел он совершит – он выполнит наказ Чингисхана, данный отцу – покорить все земли на Западе. Так будет. И тогда его слава затмит славу деда!

Бату сбросил задумчивость. Субедей говорил, куда он считает необходимым направить основные удары. Бату не стал перечить – Субедей всю свою долгую жизнь вёл войны, пусть будет, как скажет он, победа, всё равно, зачтётся только Бату.

Войско разделили на четыре колонны. Первую, из одного тумена, доверили Берке – он пойдёт на Стародуб против князя Ивана, а оттуда – к богатым волжским городам Городцу и Костроме. Вторую, из трех туменов, нацеленную на Ярославль, против основного суздальского войска, поручили Орде, Бурундаю и Мунке. Третью против Переяславля из одного тумена Бату вручил вредине Гуюку – пусть воюет сам, как ему нравится. Остатки из растрёпанных полу-туменов Бату, под своим руководством, решил вести на Новгород через забитый торговыми складами Волок– Ламский и Тверь.

–Как только войско будет готово к выступлению, мы начнем собирать плату за наше усердие и терпение. Пока мы только теряли. Около сорока тысяч потерь, нойоны, это меня вводит в задумчивость. Если и дальше так пойдёт, мы останемся без войска, и некому будет оборонять наши обозы, полные добытого добра.

Все рассмеялись шутке Бату, но, всё же, столь огромные потери настораживали.

После совета Бату остался с братьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.